

Никто из учёных не обратил внимания на бешеные прыжки Ян Ваньли, даже проходившие по другому берегу реки столичные горожане не кинули на него любопытного взгляда. Ведь в столице подобное зрелище было привычным, и особенно во время публикации результатов экзаменов, около алой левой стены экзаменационного двора, всегда откуда ни возьмись появлялось множество безумцев.

Учёные, читавшие список на том конце моста, выглядели очень разными: были лихорадочно возбуждённые, были разочарованные, те, кто прошёл, с криками задирали голову к небу, кто не прошёл, смотрели в землю, любой облик был невыразимо смешным. Самые несчастные кричали, обнимая большую софору рядом с алой стеной и прижимаясь к ней лицом, и, сколько друзья их ни тянули, они не отпускали дерево, пока не обдирали лица в кровь, что выглядело крайне трагично.

Государство Цин использовало императорские экзамены для отбора учёных, и молодёжь неблагородного происхождения не могла получить должность благодаря связям. Поэтому опубликованный список результатов весеннего экзамена для обычных студентов был единственным способом изменить свою жизнь. Такого стресса и стимула было достаточно, чтобы деликатного и утончённого учёного превратить в сумасшедшего. По сравнению с теми учёными, которые неразборчиво бормотали, кланяясь небу на берегу реки, и благодарили небеса за то, что позволили им победить, Ян Ваньли, который крикнул только дважды, показался даже немного скупным.

Конечно, это только подчёркивало спокойствие Хоу Цзичана и остальных.

Когда Ян Ваньли успокоился и, торжествуя, вернулся к алой стене, трое друзей уже внимательно изучили весь список. К удивлению, Ши Чаньли в нём не было, и все были разочарованы, хотя и обрадованы тоже, потому что имя Чэн Цзялиня оказалось в последней строчке.

Лицо Чэн Цзялиня было полно безудержной радости, но, когда рядом стоял разочарованный Ши Чаньли, было бы неправильно показывать чрезмерный восторг, поэтому он сказал утешительно:

— Не попал в этот раз, придёшь в следующем году.

Это было старомодное утешение, но в этой ситуации только оно и годилось. Ши Чаньли криво усмехнулся, посмотрел на удручённых провалом студентов, заставил себя взбодриться и улынулся:

— На этот раз из нас четверых победили трое, уже большая радость. По сравнению с прошлогодними экзаменами список этого года гораздо справедливее, как по мне, можно попытаться ещё раз.

Хоу Цзичан кивнул и легонько похлопал Ши Чаньли по плечу, зная, что тот, хотя и самый беззаботный из них четверых, сегодня всё же получил серьёзный удар, поэтому он сменил

тему, улыбнулся и сказал:

— Я не знаю, как молодой господин Фань это проделал, защитив столько людей. Видно, что список сильно отличается от того, что было в предыдущие годы, стало больше имён по-настоящему талантливых и образованных людей, а тех некомпетентных тупиц, которые полагаются на родственные связи, — гораздо меньше.

— Это, должно быть, из-за расследования нарушений на экзаменах, которое проводит Контрольная палата.

Они уже добрались до тихого места на берегу реки и уселись там. Они разговаривали, всё ещё понижая голос, боясь доставить проблемы наставнику Фань Сяню.

Хоу Цзичан покачал головой и сказал:

— Хотя на этот раз арестовано довольно много чиновников, ни один учёный, кроме нескольких из Цзяннани, не был разоблачён. Поэтому ясно, что перед тем, как Контрольная палата начала действовать, молодой господин Фань сделал все приготовления, — он с кривой улыбкой покачал головой и вздохнул, думая, что у молодого господина Фаня действительно имелась солидная поддержка и он смог провернуть такой трюк на церемонии государственного масштаба. Однако, похоже, он не ошибся в Фань Сяне, в этот раз список был более честным.

Они ещё вольно обсудили обстановку в столице: немало чиновников были уволены за последние два дня, все государственные служащие ощущали себя в опасности, но Фань Сянь, кажется, был весьма уверен в себе. В это время Ши Чаньли, который некоторое время молчал, вдруг тихо сказал:

— Я боюсь, вскрывшийся на этот раз политический скандал каким-то загадочным образом связан с господином Фанем.

Остальные трое были потрясены и забормотали:

— Если это так, господин Фань, пожалуй... ещё более примечателен, чем мы думали.

Конечно, дело о злоупотреблениях было загадочным способом связано с Фань Сянем, но Контрольная палата обладала изрядным чувством меры. Хотя министр церемоний Го Ючжи пал, но Восточный дворец не понёс большого ущерба, так что какое-то время наследный принц мог только подозревать Фань Сяня. Тем более, что в нынешний список из нужных Восточному дворцу людей попало трое, что уже было очень хорошим результатом по сравнению со старшим принцем и Тайным советом.

Фань Сянь сидел в кабинете и хмурясь разглядывал императорский список, который скопировал Ван Цинянь. Эти два дня в столице было очень беспокойно. Главный экзаменатор Го Ючжи, один наставник и один контролёр были приглашены Контрольной палатой на чай. Сам он, как посредник на экзамене, отвечал за такой ключевой этап, как заклеивание имён, а с ним вообще ничего не случилось, и это неизбежно могло заставить заинтересованных людей начать строить догадки.

Впрочем, у него был и повод для радости. Из выделенных им студентов, помимо Ши Чаньли, чей характер ему нравился больше всего, большинство успешно вошли в список. Что же касалось результатов дворцового экзамена, они зависели от личной удачи, тут он действительно ничем не мог помочь.

Выйдя из кабинета, он увидел светлую фигуру, идущую ему навстречу. Фань Сянь ойкнул и хотел было спрятаться в кабинете, в мыслях горько сетуя: кто бы мог подумать, что отец сегодня придёт в его усадьбу.

Бо Сынань Фань Цзянь теперь и номинально, и по существу был министром финансов, но его строгое лицо не сильно изменилось. Он спокойно толкнул дверь, которую его сын не успел закрыть, вошёл и громко закричал:

— Ты опять выходил вчера?

Фань Сянь с кривой улыбкой поклонился и ответил:

— Отец, прошлым вечером в столице был дождь, поэтому я хотел пойти прогуляться.

— Ты думаешь, что сможешь кого-то обмануть, отправившись на Двор всеобщего благополучия?!

Фань Цзянь сел, а Линь Вань-эр, находившаяся в боковой комнате, услышав голос, поспешила к нему и немедленно позвала служанку, чтобы та принесла хозяину чаю. Фань Цзянь, взглянув на невестку, улыбнулся и взмахнул рукой, отсылая её обратно к себе, отдыхать, а затем повернулся и ледяным голосом сказал:

— Дело касательно экзаменов весьма сложное. Ты очертя голову натворил дел — и ладно, я велел тебе оставаться в поместье, чтобы избежать этой бури. А ты вчера пошёл на постоянный двор, чтобы встретиться с этими студентами. Сегодня, когда императорский список опубликовали, все могут своими глазами увидеть, что все эти студенты попали в него. Как тогда люди на тебя посмотрят?

Фань Сянь с улыбкой ответил:

— Хотя я и молод, но всё же условно обладаю статусом учителя. Сходить посмотреть на

кандидатов — дело обычное. Что же касается этого списка... все знают, что происходит, зачем беспокоиться?

— Но сейчас Контрольная палата расследует дело о мошенничестве, и причиной этого является записка, которую ты передал, — холодно сказал Фань Цзянь. — В таких делах, если ты действительно радеешь за страну, то не следует выводить своих людей в первую тройку. А если ты просто хочешь использовать весенние экзамены для усиления своей стороны, то тебе не следовало сталкивать Го Ючжи вниз.

Бо Синань посмотрел на сидящего перед ним юного сына и спустя долгое время вздохнул:

— Везде есть свои правила. Особенно это касается столичных чиновников: они бывают честные и бывают продажные, одни министры клеветают на врагов, угождая начальству, а другие увещевают его — это два совершенно различных пути. Если хочешь стать тем, кто честно говорит перед императором, не будь клеветником.

Услышав, как отец говорит о нём, Фань Сянь понял, что его старик действительно рассердился, и мягко ответил:

— Я не хочу увещевать, и я не хочу угождать, я хочу быть... всесильным сановником.

Как только эти слова прозвучали, в кабинете похолодало так, словно сам воздух затвердел. Через некоторое время Фань Цзянь шёпотом спросил:

— Всесильным сановником? Что за министр может называться всесильным? — он покачал головой, и на лице его всплыла странная улыбка. — Премьер-министр имеет власть, твой отец имеет власть, Чэнь Пинпин имеет власть, но неужели ты думаешь, что, став таким, как мы, можно назваться всесильным сановником?

Фань Сянь спокойно ответил:

— Нет, потому что вся власть в руках императора.

— Тогда каким сановником ты собираешься быть?

— Таким, у которого в руках власть и нет никаких забот, — честно ответил Фань Сянь. — Ваш сын хочет стать таким могущественным, что даже императорская семья не будет иметь власти над его жизнью. Я могу защитить себя, но у меня нет возможности защитить своих близких, поэтому мне нужна власть.

Фан Цзянь взглянул на сына, и во взгляде его промелькнуло беспокойство. Фань Сянь беспомощно улыбнулся. Причина, по которой он выбрал этот скучный, но при этом чрезвычайно опасный путь, скрывалась в тёмных глубинах его души.

Спустя долгое время в глазах Фань Цзяня появился намёк на холодность, и он сказал:

— Не делай больше таких глупостей. Чэнь Пинпин может поддерживать тебя временно, но не всю жизнь. Предупреждаю, не надо слишком сближаться с Контрольной палатой.

Фань Сянь склонил голову, принимая наставления:

— Я понимаю, но мне нужно, чтобы отец время от времени напоминал.

Фань Сянь знал, что его отец всегда опасался отдавать ему руководство Контрольной палатой, но сам он не соглашался отказываться от этого.

Фан Цзянь медленно закрыл глаза и сказал:

— Ты очень плохо справился с этим делом. Даже если речь Го Баокуня во дворце подсказала тебе, что семья Го — на самом деле люди старшей принцессы, тебе не стоило заниматься этим самому. Если бы ты вначале поговорил со мной, то благодаря моей и премьер-министра власти мы смогли бы изящно использовать дело о мошенничестве на экзаменах, чтобы избавиться от него, не доводя до нынешней безвыходной ситуации.

Фань Сянь знал, что его отец был прав. Он рискнул сотрудничать с Контрольной палатой, чтобы устранить министра Го, но это завело его в подвешенное состояние, когда он не знал, что произойдёт дальше. Инициатива оставалась за Контрольной палатой. Поразмыслив, он сказал:

— На самом деле, сейчас я просто сделал то, что хотел сделать.

Возможно, это было просто пошлым чувством справедливости, которое многие люди не удостоили бы и взглядом, но капля которого всё ещё сохранялась у Фань Сяня. Сейчас он беспокоится лишь о том, как обеспечить себя поддержкой Чэнь Пинпина.

Словно догадываясь, о чём думает его сын, Фань Цзянь открыл глаза, в которых читалась грусть и желание утешить:

— Можешь бросить свои фантазии. Чэнь Пинпин обязательно сообщит всем, что это доброе дело по разоблачению мошенничества совершил старший сын семьи Фань.

Фань Сянь горько улыбнулся, понимая, что отец сказал правильно. Чэнь Пинпин не боялся какого-то там наследного принца. Покуда он мог создавать Фань Сяню репутацию, пока он мог приближать его к руководству Контрольной палатой, он готов был пойти на всё.

Прежде чем уйти из кабинета сына, бо Сынань Фань Цзянь легкомысленно сказал:

— К будущим делам ты должен подходить более зрело. Таким ребячеством, как «стать всесильным сановником», можешь развлекать себя в мыслях, когда скучно, а мне больше не говори об этом.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/2514181>